

Контролёр

Павел Амнуэль

Над развалинами башен-близнецов слабо курится сизый дым, и в сером вечернем освещении мне показалось, что груды камней, бетона и полуразрушенных конструкций едва заметно шевелятся, будто люди, оставшиеся внутри, совместными предсмертными усилиями пытались приподнять навалившуюся на них массу.

Я дернул головой, отгоняя видение, и тихо сказал:

— Уйдем отсюда. Не понимаю, зачем вы привели меня на это место.

— Извините, — смущенно сказал Норман Шумахер, с которым мы десять минут назад встретились у газетного киоска за первой линией ограждения. — Тут сейчас много людей, и я подумал... Впрочем, не важно. Если вы не против, поговорим у меня. Так получилось, что я снимаю квартиру неподалеку отсюда.

— Хороший район, — отметил я и добавил: — Был до вторника.

— Вы имеете в виду: дорогой? — улыбнулся Шумахер. — Уверяю вас, здесь можно было и раньше найти квартиру по вполне приемлемой цене. Даже в самом престижном районе есть места, где... Пожалуйста, сюда.

Мы завернули в переулок, о существовании которого я не подозревал, хотя, как мне казалось, неплохо знал эту часть даунтауна. Мой спутник оказался прав: в буром десятиэтажном кубе, прилепившемся к задней стороне небоскреба, было не больше респектабельности, чем в старом разбойнике, стоящем об руку с ограбленным миллионером.

— Знаете что, — сказал я, когда мы вошли в лифт и Шумахер нажал на кнопку восьмого этажа, — давайте не будем терять времени. Вы хотели поговорить? Я тоже. Так что обойдемся без предисловий.

— Согласен, — кивнул Шумахер. — Это существенно облегчит задачу.

Несколько минут спустя мы расположились в не очень удобных креслах — я выбрал кабинет с зашторенными окнами, а не гостиную, откуда открывался вид на стоящее напротив здание Манхэттен-банка. Предложив напитки, от которых я вежливо отказался, Шумахер закурил сигарету и задал первый вопрос:

— Скажите, мистер Ховард, вас не удивил мой звонок?

— Нет, — сказал я. — Мы давно ждали чего-то подобного. В конце концов, нет секретов, которые невозможно раскрыть.

— Конечно, — улыбнулся Шумахер. — Но вы хранили секрет столько времени... Лет пятьдесят, я не ошибаюсь?

— Сорок семь, — поправил я.

— Сорок семь, — повторил Шумахер, будто запоминая это число. — Наверное, вы пытаетесь ответить на во-

ФАНТАСТИКА

прос: кто стал для нас источником информации? Хочу предупредить — не ищите предателя в своей среде. Его нет.

— Уже нет, — поправил я. — Майк Горен погиб в автодорожной аварии вечером третьего дня.

Шумахер поднял на меня насупленный взгляд, и мы оба дали соответствующую оценку этой информации. Я знал, что Майка устранили не наши люди, Шумахер тоже знал это, и мы оба знали, что никто не заинтересован в том, чтобы считать смерть Горена чем-то иным, кроме несчастного случая.

— Хорошо, — сказал Шумахер. — Я рад, что мы друг друга понимаем.

— Если бы мы не понимали друг друга, — вздохнул я, — вряд ли наша встреча могла бы состояться.

Мой собеседник не знал, что Майк, по сути, пожертвовал собой, предложив свою кандидатуру на роль Иуды, когда неделю назад мы обсуждали различные версии оперативных мероприятий. Майк знал, и мы знали, что, получив столь важные сведения, в Бюро предпочтут не церемониться с информатором: гласное расследование и тем более судебный процесс им не нужны, а вероятность того, что Иуду расшифруют свои, была, с их точки зрения, непозволительно велика.

— Хорошо, — повторил Шумахер. — Обычно я задаю вопросы, а не отвечаю на них. Но наш с вами случай настолько уникален, что мне позволено сделать исключение. Я сообщу кое-что из того, что нам известно о вашей секте, и мы продолжим беседу, когда вы подтвердите, что информация не содержит ошибок.

Он протянул мне тощую картонную папку — похоже, в ней было всего два-три листика. Наверняка я знал больше того, что Шумахер мог мне продемонстрировать. Взяв папку и взвесив на ладони, я положил ее, не раскрывая, к себе на колени.

— Не люблю канцелярских текстов. Давайте в двух словах. Когда вы о нас узнали?

— О, довольно давно, не в обиду вам будь сказано. В августе девяносто третьего.

«Правильно, — подумал я. — И с тех пор вы думали, что играете с нами, в то время как игра шла в ваши ворота».

— Если вы расскажете о том, что вам известно, — сказал я, — мне будет легче сообразить: в чем я могу признаться, а в чем — нет. Согласитесь: если бы у Бюро были против нас конкретные обвинения с доказательствами и фактами, то разговаривали бы вы со мной в другом месте. Особенно сейчас. Такой удобный случай расправиться с так называемой террористической сектой!

— Вы правы, — кивнул Шумахер. — Просто удивительно... Столько общей информации, чуть ли не фило-

софской, знаете ли... И ничего конкретного. Видите, я с вами откровенен, потому что надеюсь на сотрудничество. И знаете почему?

— Легко догадаться, — сухо сказал я. — После вторника у Бюро развязаны руки. Вы можете нас всех пересягать, не утруждая себя доказательствами. Вы ведь и встречу мне назначили неподалеку от развалин башен-близнецов, чтобы намек стал более понятен.

— Я рад, что мы понимаем друг друга, — повторил Шумахер, а я подумал, что на самом деле мы понимаем друг друга даже лучше, чем ему кажется.

Он встал и начал ходить между креслом и окном, три шага в одну сторону, три в противоположную, и речь его тоже была такой, будто переключали рубильник: несколько коротких фраз — поворот — одна длинная — опять поворот...

— Блаженный Эндрю умер в пятьдесят шестом. В психушке. Пророчествовал он в пятьдесят третьем. У Бюро в те времена была масса проблем, вы ж знаете, что тогда происходило, а тут какой-то безумный дурачок возвестил пришествие какого-то Контролера. Кому он сдался на самом деле? В общем, проглядели. Секта возникла в пятьдесят четвертом. В июне или июле. Тут нет точных данных. Да и несущественно. Вас тогда было человек десять — двенадцать — сдвинутые на религиозных предсказаниях люди, готовые поверить всякой чепухе, лишь бы она согласовывалась с вашими представлениями о сути мироздания.

— Минуту, — прервал я, и Шумахер застыл, не успев завершить оборот вокруг оси. — Давайте уточним. Во-первых, что значит «вы»? Лично меня тогда на свете не было, я пришел к Свидетелям Эндрю значительно позднее. И во-вторых, в Бюро глубоко заблуждаются, если полагают, что наши основатели готовы были поверить в любую религиозную чушь. Блаженный Эндрю знал, что говорил, и если вы имеете представление о других его предсказаниях...

Я сделал паузу, и Шумахер не замедлил подтвердить:

— Имею, конечно, — поморщившись, сказал он. — О том, что в шестьдесят девятом мы будем первыми на Луне, о том, что мы завязнем во Вьетнаме и проиграем войну, а еще он говорил, что Советы не дотянут до двадцать первого века. Он был прав, согласен. Но, черт возьми, это стало ясно впоследствии, спустя много лет! А тогда... Мало ли было психов, предсказывавших то второе пришествие, то конец света?

— Таких и сейчас много, — отмахнулся я. — Вы просто не знали Блаженного Эндрю.

— А вы знали, — насмешливо сказал Шумахер и присел на подлокотник кресла. — Вас тогда еще на свете не было.

Я не стал отвечать на этот глупый выпад. Помолчал, чтобы унять подступившее раздражение, и сказал:

— Давайте я буду говорить сам. Уверен, что последовательность событий в этой папке изложена верно, но интерпретация...

— Интерпретация, — буркнул Шумахер. — Вы думаете, для обвинения важна интерпретация? Достаточно фактов.

Он аккуратно положил окурки в пепельницу и не стал закуривать новую сигарету. Хорошо. Не переносу табачного дыма.

— Согласен, — сказал я. — Вернемся к пророчеству. В пятьдесят третьем Блаженный Эндрю объявил, что в мир пришел Контролер. Личность, жизненной целью которой является оценка человечества как разумного вида.

— Контролер, посланный Богом, — вставил Шумахер.

— Богом? — удивился я. — Видите, с интерпретацией у вас совсем плохо. Блаженный Эндрю, чтоб вы знали, вообще в Бога не верил. Кстати, вам известно, что он окончил Гарвард? Конечно, вам это известно. Но вы решили, что верить в Бога может и дипломированный физик, тем более — свихнувшийся по причине перенесенного в детстве менингита. Нет, Норман... Можно я вас так буду называть? Нет, Норман, Контролер не был послан Богом, потому что Бога нет. Картина мира, по Блаженному Эндрю, если хотите знать, такова. Вселенная содержит не только известный нам материальный мир, но и бесконечное число нематериальных структур, о которых мы ровно ничего не знаем. Нет, не о духовном начале речь. Духовный мир — результат работы сознания, так что в конечном счете дух тоже материален. Блаженный Эндрю говорил о нематериальных явлениях, к духовному миру отношения не имеющих. Каждое материальное тело имеет множество нематериальных измерений. И все они связаны, ибо природа едина. Так вот, в космогонии Блаженного Эндрю нематериальная часть Вселенной, эволюционируя, создает дух, то есть разумную структуру переходного вида, а эволюция духа, в свою очередь, создает материальную Вселенную. Точнее — физический вакуум, который...

— Прошу вас, Ховард! — поднял руки Шумахер, — Избавьте меня от лекции! В свое время я читал Блаватскую, тибетских лам, и все эти идеи о том, как дух породил материю...

— Блаженный Эндрю, — заявил я, — знал больше Блаватской и тибетских неучей, что-то слышавших, но мало что на самом деле понимавших. Я не читаю вам лекцию, Норман, но вы должны понять, иначе мы не продвинемся дальше. Наша цивилизация была создана нематериальными структурами Вселенной. Не Богом, поскольку всемогуществом здесь и не пахнет. И не Мировым Разумом, о котором сейчас так много говорят, потому что Мировой Разум — это дух, то есть в конечном счете тоже материя, только иначе организованная, нежели наши атомы, молекулы и поля. Нематериальный мир — это Стэн, и не спрашивайте меня, откуда Блаженный Эндрю взял это название. Почему Бога зовут Богом, а Аллаха — Аллахом? Имя, обозначение, не более... Стэн — результат эволюции, происходившей не во времени и не в пространстве, поскольку в нематериальном мире нет ни того ни другого... Послушайте, Норман, почему бы вам не предложить мне выпить? Нет, не спиртное. От стакана холодной воды я бы не отказался.

Вода действительно была холодной, Шумахер бросил в нее два кубика льда и дольку лимона, я немного отпил и продолжил давно отрететированный рассказ:

— Так вот, Норман, согласно учению Блаженного Эндрю, Стэн время от времени...

— В нематериальном мире нет времени, как вы только что сказали, — с усмешкой напомнил Шумахер. — Как же Стэн...

— Время есть в материальном мире, а во Вселенной все измерения связаны, — терпеливо произнес я. Как

же трудно объяснять очевидное! — Так вот, время от времени Стэн направляет на Землю Контролера, который, вернувшись после смерти в нематериальный мир, сообщает о том, куда идет человечество и не пора ли прервать затянувшийся опыт.

— Ваш Стэн способен такое учудить? — не удержавшись от иронии, поинтересовался Шумахер. — Он нематериален, верно? Следовательно, не способен влиять на материальные процессы?

— Дух возник из нематерии, а материя возникла из духа, — объяснил я. — Во Вселенной, число измерений которой бесконечно, все чрезвычайно сложно, и не нам, не знающим ничего о структуре нематериального, рассуждать о том, что Стэн способен сделать, а что — не способен.

— Допустим, — хмыкнул Шумахер. — Продолжайте. Это интерпретация, верно? Причем ваша, сектантская. Будучи физиком, Эндрю должен был понимать, что его рассуждения о материи и нематерии, взаимодействующих через дух, бессмысленны с точки зрения науки.

— Тогдашней науки, — поправил я и добавил: — Впрочем, и современной тоже.

— Тогда давайте говорить о фактах.

— Факт в том, что в тысяча девятьсот пятьдесят первом году на Землю явился очередной Контролер. Он родился человеком и должен прожить ровно семьдесят лет. Этого достаточно, чтобы узнать человечество, оценить его изнутри. В две тысячи двадцать первом году, после смерти, Контролер возвратится в мир духа, а оттуда — в мир нематерии, к Стэну. И Стэн примет решение.

— Логично, — пробормотал Шумахер. — О Контролере хотелось бы подробнее. Это из-за него весь сыр-бор, верно?

— Конечно, — кивнул я. — У человечества есть два пути. Первый: изменить себя за те семьдесят лет, что Контролер будет жить на нашей планете. В пятьдесят третьем, когда пророчествовал Эндрю, Контролеру было два года.

— Вторая возможность, — продолжал я, — найти Контролера и уничтожить его. Не выполнив миссии, он не сможет представить Стэну свой отчет, и человечество получит дополнительный срок жизни. А также возможность пойти по тому пути, который был для нас изначально предназначен.

— По пути добра, полагаю. — Шумахер не мог взять правильный тон, каждая его реплика раздражала меня, и мне требовалось все больше усилий, чтобы сдержаться и не прервать разговор на середине.

— По пути добра, если угодно, — сказал я после минутной паузы. — Если вам действительно кое-что известно о Свидетелях Эндрю, то вы знаете, какую опцию мы избрали. Точнее, к какой опции нас подтолкнул Блаженный Эндрю незадолго до кончины.

— Знаю, — сказал Шумахер, почему-то поднял левую руку на моих коленях папку и заглянул в нее, будто искал подтверждения собственным словам. — Вы поставили своей целью поиск человека, которого называю Контролером. Найти его и уничтожить, пока он не умер естественной смертью, то есть пока не выполнил миссии. Логичное решение. Человечество за полвека не изменишь, а найти одного человека...

ФАНТАСТИКА

— Среди шести миллиардов? — Я пожал плечами, показывая, что второй путь ничем не проще первого. — Согласитесь, это даже не иголка в стоге сена.

— Ну, зачем вы так... — обиженно протянул Шумахер. — Этот ваш пророк... Блаженный Эндрю. Не может быть, чтобы он не оставил соответствующих рекомендаций. Алгоритм поиска, так сказать.

— Что вам об этом известно? — напряженно спросил я.

Есть информация, которая не могла выйти за пределы организации. Есть сведения, которые — я это точно знал — никогда не были разглашены потому, что были доступны лишь двум-трем избранным, к числу которых с недавнего времени принадлежал и я.

Естественно, Шумахер понял, что наш разговор вступил в новую, крайне рискованную фазу и может оборваться в любой момент от неосторожного слова или даже жеста. И тогда на своей карьере он сможет поставить крест. Конечно, меня могут арестовать и допросить, как они это умеют. Могут взять еще несколько человек из моего окружения — самых невинных, тех, кто знает только то, что положено, в том числе и о заветах Блаженного Эндрю. Но ведь ничего они от нас не получат. Ничего. И это Шумахеру известно тоже. Поэтому он будет осторожен со мной. Он обязан быть осторожным. И если хочет, чтобы мы по-прежнему понимали друг друга, то непременно ответит на заданный вопрос.

— Меньше, чем известно вам, — сказал Шумахер, — но больше, чем вам бы хотелось, чтобы мы знали.

Обтекаемый ответ. И наверняка правдивый, не придерешься.

— Шесть миллиардов — абсурд, — продолжал Шумахер. — Если цель Контролера — знание сути человечества, он не мог родиться каким-нибудь бушменом в Центральной Африке. Так можно всю жизнь прожить и узнать только, почему в соседнем племени у женщин отвислые груди, прости Господи... Потенциально Контролер должен быть уроженцем одной из развитых стран, тех, что определяют направление эволюции нашей цивилизации.

— Почему не в Индии или Тибете? — вставил я. — Там куда более высокая духовность...

— Вы так думаете? — помедлив, спросил Шумахер. — По правде говоря, я не считаю, что нищий житель Дели более духовно развит, нежели фермер из Айовы. Согласитесь, число высокочудных лам или гуру на душу тамошнего населения вряд ли больше числа ученых на нашем утратившем представления об истинной духовности Западе. И еще — вы хотите меня уверить в том, что духовный, а не техногенный путь более характерен для нашей цивилизации в целом?

— Контролер, — сказал я, — вряд ли мог знать это при своем рождении.

— Контролер, — отпарировал Шумахер, — при своем рождении знал не больше, чем любой младенец. Но тот... как вы сказали? Стэн? Он не впервые отправлял на Землю Контролера? Общее направление развития человечества он наверняка представляет. Куда все идет, и чем может кончиться. Когда Контролер был на Земле в последний раз?

Вопрос прозвучал резко, и Шумахер наклонился в мою сторону, не отводя от меня пристального взгляда. Господи, знаю я ваши методы — сейчас я от неожиданности скажу что-нибудь, чего говорить не хотел. Как же.

— Не знаю, — я пожал плечами. — Блаженный Эндрю не упоминал об этом. Он был пророком, а не историком. Есть разница?

Шумахер кивнул.

— Контролер, — сказал он, — родился в одной из развитых стран Запада. И, согласно учению Эндрю, должен был пойти в политику. Политик — тем более глава государства — достаточно информирован и более кого бы то ни было способен оценить путь пройденный и предстоящий. А главное — он принимает решения.

— Вы думаете? — Я изобразил голосом сомнение. — Наш президент — вот истинный пример настоящего политика. По-моему, он только после вторника узнал, что существует такая страна — Афганистан.

— А мне показалось, что мы действительно понимаем друг друга, — грустно сказал Шумахер. — Надеюсь, вы не думаете на самом деле, что Джордж Буш-младший и есть искомый Контролер?

— Нет, тогда мы постарались бы его устранить, а это не так.

Вот. Я сам поставил точку на прежних недоговорках и подвел собеседника к той красной черте, куда он подбирался окольными тропами. Пусть теперь спросит. Если, конечно, правильно понял мою мысль.

Но Шумахер задал другой вопрос, к которому я тоже был готов, однако ждал его чуть позже.

— Интересно, — сказал он, — как вы узнаете Контролера, даже если вычислите его? У него что, потустороннее выражение лица? Шесть пальцев на левой руке? Третий глаз?

— Мы говорим о взаимопонимании. — Я отвел взгляд, все-таки этот человек был в своем деле профессионалом, а мне давно не доводилось тренироваться в детской игре в гляделки. — Мы говорим о понимании, а вы все время недоговариваете. Что за вопрос вы задали, Норман? Если вам известна хоть строка из пророчества Блаженного Эндрю, то вы безусловно читали, что Контролера можно узнать по принадлежащему ему предмету, неземное происхождение которого очевидно. Этакое удостоверение личности. Как значок у шерифа или медаль у Нобелевского лауреата.

— Какой неземной предмет может быть у новорожденного? — картинно удивился Шумахер.

— Ах, — сказал я, — это же ясно! Впрочем, у Блаженного Эндрю сказано: «И было знамение небесное, когда Контролер пришел в мир»...

— Вот оно что, — задумчиво произнес Шумахер, будто сопоставлял в уме какие-то уже сделанные заключения

с новой, полученной только что, информацией. — Значит, утверждение Эндрю о том, что нынешний Контролер родился в пятьдесят первом...

— Посмотрите астрономические таблицы, Норман, — посоветовал я. — Метеорный дождь Лириды был в том году удивительно сильным. Никогда такого не было ни до, ни после. Метеоры с неба так и сыпались. Мне-то самому видеть не довелось, — добавил я с сожалением, — но люди рассказывали.

— Вот оно что, — повторил Шумахер. — А еще была Вифлеемская звезда, воссиявшая, когда родился мальчик по имени Иисус. Значит, по мнению вашего пророка...

— Если сложить два и два, то это так, — согласился я. — Если бы Иисус дожил до семидесяти...

— В те жестокие времена, — проявил свою осведомленность в истории мой визави, — до семидесяти не доживали и куда более спокойные личности.

— Да, — согласился я. — Может, потому человечество и существует до сих пор, что в то время Стэн не смог принять решение?

— Вот оно что, — в третий раз сказал Шумахер и наконец отвел взгляд в сторону. Все-таки гляделки и мыслительный процесс трудно совместимы друг с другом. А Шумахер хотел подумать.

— Знаете, — сказал он минуту спустя, — открою вам небольшой производственный секрет. Может, узнав этот смешной нюанс, вы станете откровеннее. Одно время мы думали, что убийство Кеннеди — дело рук последователей Эндрю.

— В самом деле? — поразился я. — Вы решили, что Ли Харви Освальд...

— И Джек Руби, — добавил Шумахер. — Ну да, принадлежали к вашей секте.

Мы посмотрели друг другу в глаза и расхохотались — не знаю, чей смех был более искренним.

— Контролеру в то время исполнилось двенадцать лет, — отсмеявшись, сказал я. — Кеннеди был постарше.

— А еще, — улыбаясь, добавил Шумахер, — мы одно время приписывали вам убийства Альдо Моро, Улофа Пальме и Ицхака Рабина.

— Не смешите, — замахал я руками, — не могли вы так думать, если серьезно нас разрабатывали.

— Ну, — Шумахер пожал плечами, — эти версии были, конечно, экстравагантными и продержались недолго, но, согласитесь, в логике им не откажешь. Тем более что даже в девяносто третьем, когда Бюро получило о секте Свидетелей Эндрю первую оперативную информацию, убийства Кеннеди и Пальме все еще не были раскрыты.

— Если по такой логике рассуждать, — добродушно сказал я, — то Бюро должно было приписать нам все политические убийства на планете. Кстати, неплохая идея — за раз раскрыли бы десятки преступлений.

— По крайней мере, отчитались бы, — усмехнулся Шумахер.

Он встал с подлокотника, на котором сидел, и, разминая ноги, сделал круг по комнате. Я следил за ним, раздумывая над тем, какой следующий вопрос он задаст. По сути, все уже было сказано, и если в этой комнате были скрытые магнитофоны (а они, конечно, были, кто мог сомневаться?), то аналитическому отделу ФБР, возглавляемому досточти-

мым Норманом Шумахером, было над чем поразмышлять, прежде чем предпринимать следующие шаги. Вряд ли он сейчас решится на мой арест — относительно собственной участи я был спокоен: им нужна вся организация, а не единственный ее надежно выявленный представитель, тем более даже не самого высокого ранга. В Бюро знали о нас много — мы сами об этом позаботились, потому что это было необходимо, — но больше о целях и методах, нежели об исполнителях. Нет, невыгодно Шумахеру сейчас меня арестовывать. Проследить — да, конечно. Наверняка вокруг дома расставлены филеры, место, кстати, очень удобное, деться мне некуда, тупик, всего два выхода, пожарные лестницы просматриваются до самой крыши. Все продумал Шумахер, отправляясь на встречу. Все, кроме...

— Да, — сказал он, совершив моцион и рухнув в кресло напротив меня, — конечно. Соблазн был велик — повесить на вас всех собак... Мы быстро прошли этот этап. Поскольку ваша секта существует, значит, Контролер все еще жив. И следовательно, над кем-то из видных политических деятелей висит дамоклов меч. А мы обязаны защищать наших политиков.

— Ну вот, приехали, — с удовлетворением констатировал я. — И вы, умный человек, решили, что в результате нашей откровенной беседы, после того, как мы так хорошо поняли друг друга, я назову имя политика, который, по нашему мнению, является Контролером?

— Было бы замечательно, — кивнул Шумахер, — но на это я не рассчитываю. Однако поскольку мы хорошо понимаем друг друга... Этот ваш агент-provokator, я полагаю, позвонил в Бюро не по собственному желанию?

— Почему же... — протянул я. Пожалуй, мы недооценили Шумахера и его команду. Если они просчитали этот вариант... — Именно по собственному. Мы никого не посылаем на смерть вопреки его воле.

— То есть, — прищурился Шумахер, — Горен допускал, что...

— Конечно, — подтвердил я, — это предполагалось.

У меня затекли ноги — все-таки уже почти час я сидел в неудобной позе. Кряхтя, я вытащил себя из кресла и повторил путь Шумахера — несколько шагов к зашторенному окну, потом обратно, ток крови в ногах восстановился, и вообще пора было заканчивать разговор. Все уже сказано — вряд ли в Бюро рассчитывали на большее.

— Мы многое предполагали, — сказал я, остановившись перед Шумахером, — в том числе и то, что Блаженный Эндрю мог ошибаться.

— Ошибаться? — Шумахер смотрел теперь на меня снизу вверх. Он действительно был удивлен, а не играл удивление. — Пророк, в чьи слова вы верите безоговорочно?

— Мы — не религиозная секта, что бы в Бюро ни думали по этому поводу, — отрезал я. — Это раз. Второе: вряд ли в Бюро оказался полный текст пророчества. Собственно, весь наш разговор свидетельствует о том, что полного текста у вас нет.

— Конечно, — легко согласился Шумахер. — Но того, что есть...

— Недостаточно для правильных выводов, — перебил я. — Блаженный Эндрю говорил, что политик видит путь и принимает решения, и потому полномочия его выше тех, что должен иметь Контролер. Контролер — ин-

ФАНТАСТИКА

формирует. Стэн — решает. Вот почему, кстати, не мог быть Контролером Христос — он принял на себя бремя решения и вины. Нет, Норман, Контролера нужно искать в других структурах.

— В других, — проговорил Шумахер, прозревая. Неприятно, наверное, понимать, что твою организацию переиграли. И кто? Тайная секта ненормальных, воображающих, что от их действий зависит судьба цивилизации.

— Подумайте, Норман. — Я издевался в открытую, у меня было преимущество: он сидел в глубоком и неудобном кресле, а я возвышался над ним, и наши взгляды теперь вели неравную борьбу, мой взгляд обрушивался сверху, как лавина. — Подумайте: почему именно сейчас Свидетели Эндрю раскрыли себя?

Шумахер скептически усмехнулся: конечно, он был уверен, что это не мы открыли свои карты, а они там, в Бюро, хорошо поработали и получили важную информацию о глубоко законспирированной террористической секте.

— Ответ очевиден, — продолжал я, торопясь поставить последнюю точку. — Мы нашли Контролера и подвели его к решению о необходимости встречи с Исполнителем.

Соображал Шумахер быстро, но реакция была уже не та, что в молодости, когда он работал оперативным агентом. Пистолет висел у него в наплечной кобуре, но кресло оказалось неудобным, и Шумахеру понадобилось полсекунды, чтобы добраться до оружия. Конечно, я был быстрее. Шейные позвонки переломились с неприятным хрустом, и голова начальника аналитического отдела Федерального бюро расследований упала на грудь, будто у тряпичной куклы. Он умер мгновенно.

Постояв минуту над трупом, я осмотрел комнату и обнаружил магнитофон в ящике письменного стола. Наверняка были и другие. Хорошо. Я ведь не убийцей-фанатиком сюда пришел, а Исполнителем, и пусть об этом станет известно.

Я сдвинул штору и выглянул в окно. С восьмого этажа не было видно ничего подозрительного, но я знал, что далеко уйти мне не позволят. Я и не рассчитывал. У каждого своя миссия в жизни. Свою я выбрал сам.

Перед уходом я обыскал покойного. В его карманах я нашел горстку мелочи, аккуратно сложенный носовой платок, зажигалку, полупустую пачку «Золотой Явы» и бурый ноздреватый камень с марсианского плато Тарсис.

